

Полевые исследования

Сексуальный дебют в современной Франции

Дидье ле Галль, Шарлотт ле Ван

Введение

Сегодня любовная и сексуальная жизнь – сфера экспериментов в обществе, отмеченном закатом религиозных институтов (Potel, 1991) и его светских атрибутов (каковым является брак), которые составляли рамку частной жизни и давали «предписания и запреты чисто внешнего характера в плане социального регулирования сексуального поведения» (Levinson, 1997: 228–229). Поэтому до заявления о том, что любовная и сексуальная инициация отныне происходит в отсутствии всякого ориентира, – всего один шаг, который мы все-таки не сделаем. Ввиду «ослабления институциональной основы частной жизни» (Vozon, 2001a: 13) сексуальная социализация осуществляется с меньшими ссылками на нормы и доминирующие ценности, вменяемыми всем. С этого момента она проживается скорее как личный опыт. Как пишет М. Бозон, «в современных обществах, которые выделили область интимности и личных чувств, сексуальность, которая всего лишь одним из аспектов связана с продолжением человеческого рода, стала одним из фундаментальных опытов выстраивания субъективности и отношения к самому себе» (Vozon 2001b: 185). Как в этом контексте происходит переход к генитальной сексуальности? Как молодежь, очень рано становящаяся автономной, но вовсе не независимой (De Singly, 2000), проживает свой «первый раз»?

«Первый раз» – из вчерашнего дня в сегодняшний

Западная христианская культура всегда придавала большую значимость девственности – символу чистоты и невинности. Меняющаяся в зависимости от места, эпох и социальных слоев, эта сакрализация девственности вместе с запретом на инцест способствовала первостепенности продолжения рода и отказу от сексуального удовольствия, формируя тем самым особый сексуальный, следовательно, и социальный, порядок, который обеспечивал политическую и половую доминацию мужчины над женщиной.

Связанное со сдвигом в половом созревании более позднее по возрасту вступление в брак вызвало появление «девушки» – этого «нового социального существа», которое, будучи объектом вождения мужчин, становится объектом разного рода внимания, так как «речь идет о том, чтобы юное женское существо, несмотря на свою зрелость, оставалось подчиненным семейным и социальным интересам» (Knibiellher et al., 1983: 10). Мораль молодых девушек имела строгие рамки чаще и прежде всего в регионах, где социальная структура имела строгую иерархию и где население находилось под сильным влиянием церкви. Брак был тесно связан со стратегией передачи наследства, поэтому никоим образом не допускалось ни малейшего проявления добрачной половой свободы. Девственность молодых девушек пользовалась в некотором роде «социальной протекцией»; их первый половой контакт представлял из себя прежде всего дело социальной группы.

С начала XIX века установки в отношении девственности молодых девушек представляются нам более контрастными. Если в крестьянской среде девственность остается надежной ценностью, то в городах буржуазия ее превозносит – буржуазный брак «сделал из женской девственности подлинный капитал» (Ibid.: 135). В то же время она не может быть ни добродетелью, ни капиталом для живущего в сложных условиях мигранта, каким является рабочий, оторванный от своих традиций. Как бы там ни было, до второй половины XX века девственность до свадьбы остается нормой для молодых девушек, несмотря на пользующуюся успехом книгу Леона Блюма «О браке» (1908), в которой тот утверждал, что женщины, впрочем как и мужчины, уже имеют единичный или множественный сексуальный опыт до замужества. Что же касается мужчин, то добрачное целомудрие строго не соблюдается, ожидания же всегда связаны с тем, чтобы перестать *быть недотрогами* как можно скорей. «Переспать» – значит доказать, что ты мужчина. Ритуал был окружен ореолом престижности, с его помощью *девственник* вливался в группу мужчин.

Вместе с так называемым движением сексуального освобождения (Jaspard, 1997), в числе радикальных лозунгов которого встречались такие как «получать беспредельное наслаждение», «запрещается запрещать», секс «выходит» из тени буржуазных альковов. Об удовольствии от секса говорят открыто, в нем видится самоутверждение. Вместе с распространением контрацепции, предназначенной для женщин, сексуальность девочек ускользает из-под родительского контроля и полностью выходит за единственно узаконенные рамки, в которых она могла осуществляться, – рамки брака. Как для мальчиков, так и для девочек она становится частным делом.

Эта либерализация нравов способствовала тому, чтобы сделать первую встречу тел менее травмирующей. Но вместе с тем – не сделала ли она столь пугающий момент перехода к взрослой сексуальности более банальным?

Если свобода нравов и трансформировала отношение к девственности, то, как нам кажется, она не сделала более банальным «первый раз». Итак, каким образом юноши и девушки проживают этот акт вступления во взрослую жизнь, который происходит к 17–18 годам (Bozon, 1993), хотя возраст готовности к сексуальным отношениям у девочек стал сегодня более ранним¹? Именно этот вопрос инициировал наше исследование, но с самого начала оно столкнулось с проблемой метода. В отношении сексуальности социальные исследователи не могут прибегать к непосредственному наблюдению. Верно и то, что для объективирования сексуальных практик у них нет другого выбора, как проводить исследования при помощи анкет (Simon et al., 1972; Spira, Bajos, 1993) или интервью (Bozon, Heilborn, 1996), чтобы собирать информацию, основанную на заявлениях опрашиваемых лиц. Тем более что либерализация нравов, кампании по предотвращению СПИДа, достаточно смелые в середине 90-х годов (Paicheler, 2000), и, в более широком плане, желание экстимности² поощрили свободу высказываний в отношении сексуальности.

Мы отдали предпочтение методу, предназначенному для получения рассказов (письменных), когда всем предлагалось ознакомиться с одной и той же мотивирующей преамбулой. Наш вариант предполагал, что мы будем обращаться к группе относительно молодых людей, которые еще хорошо помнят это *первое отношение* и которые с достаточной легкостью изложили бы его в письменном виде, не испытывая при этом чрезмерного сопротивления из-за темы исследования. Мы остановили выбор на студентах Канского университета в нижней Нормандии, обучающихся на социологическом факультете.

¹ Такой возраст сегодня – 12 лет (Lagrange, Lhomond, 1997) против 16 лет в момент Французской революции (Shorter, 1981)

² Это понятие С. Тиссерон заимствует у некоторых философов и психоаналитиков и, в частности, у Жака Лакана, определяя его следующим образом: «Я предлагаю называть «экстимностью» движение, которое подталкивает каждого из нас выставлять на показ часть своей интимной жизни» (Tisseron, 2001: 52).

В указанный день они получили раздаточный материал, включающий мини-анкету³ и преамбулу с приглашением принять участие в исследовании⁴. В конверт было вложено несколько листов чистой бумаги. После написания текста оставалось положить заполненный раздаточный материал в конверт и затем опустить его в предусмотренную для этого урну на выходе из аудитории. Предоставленное время ограничивалось двумя часами, и письменная работа, индивидуальная по своему характеру, разворачивалась в «коллективном» пространстве внутри университета.

Восприятие процедуры

После обращения к студентам четырех потоков социологического факультета⁵ мы собрали 161 рассказ; 4 студента вышли, не оставив свою «работу», как только ознакомились с предложенной «темой». Из всех сданных работ 5 подлежали отбраковке: 3 – потому что была заполнена только мини-анкета, и еще 2 – потому что письменный текст содержал исключительно критику самой процедуры. В одной из них отказ был мотивирован тем, что коллективное пространство вовсе не располагало к «сексуальному откровению». В другой студентка объясняла причину отказа тем, что первый опыт оказался болезненным. Оправдание сопровождалось достаточно резкой критикой процедуры исследования (см. текст 1).

Текст 1

Абсолютно никакого желания делать откровения по поводу моей сексуальности

«Абсолютно никакого желания делать «откровения» по поводу моей сексуальности. Тем более что мой первый сексуальный опыт не относится к тому, о чем я рассказываю самой себе с «удовольствием». Для меня это скорее неприятно. Это все, что я могу сказать, чтобы оказать вам услугу. Мы никогда не знаем...

И, более того, я себе позволю (любезно идя навстречу вашему предложению) возразить. Эта процедура является не очень деликатной, а именно: заставить кого-то вспомнить о событиях, которые могут быть более или менее болезненными, усаживая его в течение определенного и достаточно долгого времени перед листом бумаги. Однако я полагаю, что вы изучили этот вопрос и действовали с полным знанием дела».

Если не считать случаев преждевременного ухода и выбракованных экземпляров, то процедура не встретила явной враждебности. Вполне вероятно, однако, что подавляющее большинство студентов, не будучи расположенными к написанию рассказа о своем первом сексуальном отношении, решились, тем не менее, на это под давлением.

Не все полученные и пригодные 156 рассказов имеют отношение к рассматриваемому важному акту вхождения во взрослую сексуальность. Тринадцать девушек и трое юношей в действительности еще не имели в жизни такого интимного опыта. Они предоставили, соблюдая процедуру, рассказ о своем первом флирте. В конечном счете, наша выборка была представлена 140 письменными рассказами студентов, «потерявших» свою

³ Речь шла о том, чтобы получить некоторые объективируемые данные: пол, профессия отца, матери, дату первого отношения, возраст партнера, место/обстоятельства и т.д. Эта анкета была направлена на получение лишь самых общих сведений, так как в противном случае студенты могли бы предположить, что станет возможным их «вычислить» на основании тех административных данных, которыми располагает университет, что было бы нежелательным для самого исследования.

⁴ В преамбуле объемом приблизительно в одну страницу уточнялась общая цель исследования, и указывалось, каким образом следует поступать, чтобы полностью сохранить анонимность. Основное обращение формулировалось следующим образом: «Расскажите о том, как было прожито ваше первое сексуальное отношение».

⁵ Речь идет о выпусках 1996–1997, 1997–1998, 1999–2000 и 2000–2001 годов. Уровень участия в исследовании сохранялся приблизительно одним и тем же по каждому году выпуска.

девственность в конце XX века с партнером противоположного пола. Ни в одном из рассказов речь не шла о гомосексуальном отношении.⁶

Испытание на способность «выражать словами»

Рассказы были изложены студентами социологического факультета в стенах университета при содействии преподавателей и научных сотрудников-социологов. При этом возникает как минимум один вопрос: не повлияло ли на повествование искушение «предстать социологом» или, по крайней мере, соответствовать требованиям «письменной работы»?

Стремление «предстать социологом», если и присутствует, то недолго. В реальности нарративный стиль увлекает быстро, в ущерб академизму. Из всех 140 рассказов лишь одна студентка сослалась на научную работу⁷.

Если дистанцированность, которую диктует академизм, вовсе не привлекает, то юмор, напротив, оказывается весьма кстати, особенно у юношей⁸. Должны ли мы при анализе этих рассказов рассматривать юмор как стратегию избегания? Не является ли он, напротив, одним из возможных путей выражения непроговариваемых эмоций, определенных ситуаций, которые из скромности мы вынуждены замалчивать или которые не можем воспроизвести, не обладая литературной легкостью письма? Мы весьма склонны верить этому, так как подобный литературный жанр «разрешает» игровые воспоминания и использование более крутых словечек, что, вне всякого сомнения, облегчает повествование. В повседневном языке мы в самом деле не располагаем, как замечает М. Бозон, словами, относящимися к физическим актам сексуальности. «Это отчасти связано с совсем недавней автономизацией сферы сексуального по отношению к другим сферам человеческой жизни. Возможные семантические регистры являются, с одной стороны, регистром арготическим («елда»), напоминающим языковую трансгрессию вплоть до жаргона в сфере проституции, а, с другой стороны, техническим языком сексологии (фелляция)» (Bозон, 1999: 5).

Идеал первого раза: имплицитно разделяемая норма

По прочтении всего массива рассказов возникает четкое представление о том, что существует идеальная модель первого сексуального отношения. Конечно же, речь идет о том, что физически оно должно происходить хорошо, то есть не причинять слишком сильной боли девушке и не сопровождаться, вследствие особого эмоционального состояния, отсутствием эрекции у юноши. Однако «техническая сторона успешности» имеет свою значимость для юношей, ради чего стоит «постараться»: *«Третья попытка ... Ей пришлось возбуждать меня больше, чем можно было подумать, или же мне это окончательно надоело, но я кончил, не успев надеть презерватив... В четвертый раз нам наконец удалось заняться любовью нежно, без напряжения. После этого она мне призналась в любви. Что касалось меня лично..., то я тоже»*. Важно прежде всего то, чтобы этот ответственный момент вхождения во взрослую сексуальность вписывался в проживаемое во всей полноте любовное отношение. Другими словами, чтобы это первое отношение вписывалось в отношения, построенные на доверии, соучастии, что для девушек становится, по крайней мере, гарантией встречи с деликатным, предупредительным партнером: *«Мои чувства по отношению к нему были таковы, что я знала, что это будет он (...). Мне повезло, что в качестве моего первого партнера был кто-то терпеливый, с кем бы я могла поделиться своими ощущениями. Наш первый раз был очень нежным, так как он опасался сделать мне больно. Он смог добиться во мне нарастания желаний до той степени, когда я почувствовала себя по-настоящему готовой»*.

⁶ Вполне возможно, что ввиду существующего гетеросексуализма (см.: Borillo, 2000) некоторые студенты – гомосексуалисты не осмелились описать свой первый опыт.

⁷ Речь идет о книге Франсуазы Эритье «Две сестры и их мать. Антропология инцеста» (1994).

⁸ В отношении рассказов, прибегающих к юмору, см.: Le Gall, 1997b.

Вполне очевидно, что все девушки, для кого этот опыт разворачивался в соответствии с таким сценарием и, в частности, с ощущением, что «этого ждали», выносят позитивно окрашенное суждение по поводу своего первого раза, и данный интимный момент предстает прекрасным постольку, поскольку само это отношение и его продолжение были оптимальными. *«Я ожидала этот возраст (20 лет), так как говорят, что это самый прекрасный возраст. И в самом деле, человек, с которым я имела эти отношения, был тем, кого я ожидала. Это было, как если бы я его ждала всегда (...). Мы с тех пор живем вместе, мы надеемся прожить вместе до конца наших дней». И если «паче чаяния это было вовсе нехорошо», но любовные отношения продолжают и после интимного момента, первое отношение никогда не предстает как настоящая «катастрофа». Прежде всего, потому, что это было «с ним» – тем, кто был избран; и, наконец, потому, что взаимная нежность, которую мы носим в себе, позволяет более легко «преодолеть», не придавать значения этому «мучительному» моменту: «Что бы там ни было, но теперь все стало лучше, вот уже 5 лет я живу вместе с Х и горжусь тем, что первый раз занималась любовью с ним. Это правда, что разделяемые нами чувства вероятнее всего помогли нам не сделать из этого первого раза катастрофу».*

Девушки, которые, как в данном случае, остаются со своим первым партнером, встречаются редко. Однако то, что связь прервалась, не представляет собой проблемы; ибо самое важное – «решиться на это», «почувствовать в себе готовность» и особенно когда это отношение вплетено в любовное ожидание, которое придает смысл и не ограничивается только телесным обменом. *«Он был ласков, красив, высок, в прекрасном возрасте, и все эти факторы опьянили меня в мои 17 лет. И внутри себя я действительно приняла это решение: это будет он, кто займется со мной любовью в первый раз (...). Однако ни разу мне не приходила в голову фантазия, что из нас получится пара на всю оставшуюся жизнь. Большая дистанция не позволяла нам часто видеться. Все на этом и кончилось, но я не раскаиваюсь. Хаким остался предо мной в таком святом образе, и во мне горит желание отблагодарить его за то, что он мне сделал этот подарок».*

Эта идеальная модель не представляется исключительно женской. В самом деле, мужские рассказы, которыми мы располагаем, подводят нас к мысли о том, что, как и девушки, юноши чаще стремятся совместить опыт любви и секса: *«В течение нескольких месяцев я влюблялся в нее, потому что находил ее милой, любезной, умной, и потому что мы оба разделяли многие взгляды на жизнь (...). Я чувствовал, что наше согласие становилось все более и более сильным (...). Таким образом, мы начали нашу совместную жизнь с настоящей сентиментальной привязанности, которая только увеличивала наше взаимное доверие. Наконец в течение месяца наши «флирты» становились все более и более интенсивными, и мы осмеливались раскрывать себя все больше и больше (...). Наше первое сексуальное отношение базировалось, таким образом, на реальном доверии, потому что мы были уверены один в другом (...). Мне было бы трудно отделить мое первое сексуальное отношение от моей любовной жизни».*

Для большого числа юношей и девушек, независимо от того, обладал или нет их партнер предшествующим опытом, любовь представляется как необходимый «ингредиент» для вхождения во взрослую сексуальность, что, впрочем, подтверждают рассказы тех, кто не был влюблен в своего первого партнера.

Так в нескольких случаях нашей выборки девушки чувствовали себя виновными, что зашли слишком далеко и не смогли сказать «нет» в нужный момент: *«Это тяжело сказать тому, кого очень уважаешь, но кого не любишь, к кому не испытываешь желания. Зная, что я его не любила, мне, наверно, не следовало бы заходить столь далеко. Это правда, что я себе дала слово, что доверю свою сексуальность тому, кого люблю по-настоящему».* Более редки случаи тех девушек, кто «чувствует себя» подвластными «правилам игры», имплицитно присутствующим в группе сверстников, среди которых почти всегда они – самые юные. Имплицитно подвергаемое оценке с точки зрения идеала первого раза, это отношение представляется почти всегда кошмарным (см. текст 2).

Текст 2**И все это ради того, чтобы сказать подружкам: «Я больше не девственница!»**

«Мы пошли к одному из моих друзей и сразу же приступили к делу. Я говорю «приступили к делу», так как у меня не было к нему ни малейшего чувства, ни малейшего желания (...). И все это для того, чтобы сказать подружкам: «Я более не девственница!». Воспоминания, которые у меня остались после этого, сводятся к тому, что это было самое плохое сексуальное отношение, которое я когда-либо испытывала на сегодняшний день (...). Быть девственницей в 18 лет – вызывало усмешки вокруг меня, но теперь я думаю, что человек должен отдаваться, когда он этого желает, не обращая внимания на свой возраст и на то, что говорят другие».

Юноши реже, чем девушки, выражают сожаление, что первый раз был без любви. Вне всякого сомнения, эта констатация различий в том, как мужчина и женщина подходят к взрослой сексуальности: «Он проживает свою сексуальную инициацию, в то время как она стремится к полноте отношений» (Bozon, Heilborn, 1996: 52). Говоря другими словами, юноши, как и девушки, стараются сделать так, чтобы это первое отношение протекало в рамках любовных отношений. И, тем не менее, первое мало удовлетворяющее отношение с партнершей, которую совсем не любят, вызывает у них меньшее разочарование: «В этот момент я еще не был созревшим, и поэтому мое первое отношение было испорчено из-за этого (...). Тогда я понял, что не следовало слишком выкладываться (...). Конечно же, я изумил своих приятелей, но я знал, что это было сделано из рук вон плохо. И, тем не менее, я всегда рассматривал потерю невинности как решительный поворот моей жизни».

Как подчеркивает А. Жиами по поводу сексуальности в целом, «в 70-х годах верилось, что сексуальность может быть прожита сама по себе, вне эмоций, вне чувств, а только в самом акте. Мы убеждаемся, что ничего похожего не происходит. Сегодня существует доминирующая норма. Известные французские исследования сексуальности это показывают, а женские журналы подтверждают: речь идет об освоении коммуникации в паре, о растущей сексуальности внутри нее при контролируемой рождаемости» (Giami, 1996: 30). Тем не менее, юноши и девушки с самого начала, за редким исключением, ориентированы получить сексуальное наслаждение в самом первом отношении. Так, одна из студенток закончила свой рассказ следующими словами: «На самом деле, я думаю, что первое сексуальное отношение никогда не бывает по-настоящему гениальным с точки зрения акта (...). Позже у меня были другие сексуальные отношения с другими мальчиками, где я могла развить свою сексуальность».

При норме настоящей любви только изнасилование – высший запрет

В рассказах подлинная любовь представляется единственной легитимацией перехода к акту. То есть, юноши и девушки оказываются «вынужденными» только через собственное согласие. Никакие другие соображения «в расчет не принимаются», как свидетельствует рассказ одной студентки о своем первом отношении с «квази братом»⁹. Этот рассказ представляется тем интереснее, что описывает достаточно редкий случай вторичного брака, в котором оба взрослых воспитывают своего ребенка от первого брака и оказываются приемными родителями детям своего супруга/супруги. Кроме того, совместное проживание достаточно продолжительно: оно началось, когда брат и сестра в новой семье были в возрасте соответственно 5 и 12 лет, что, впрочем, объясняет, почему студентка прибегает к термину «мой брат», чтобы рассказать о своем первом сексуальном партнере. «Получилось так, что после 13 лет совместной жизни (всех четверых) мы пришли к заключению, что «мой брат» и я разделяли иные чувства, чем чувства брата и сестры».

⁹ Такой термин предложен И. Тери и М.-Ж. Давермас (1991), чтобы перевести существующее в английском языке обозначение детей во вновь созданной семье, между которыми нет никакой родственной связи.

Не так давно С. Кадоль отмечал по поводу вторичных браков: «Сегодня рухнули ригидные нормы общества, существовавшие до 70-х годов, и одержало победу распространяемое СМИ представление, согласно которому любовь оправдывает все и достаточно для решения любой проблемы (...). Запрет на инцест в таком случае рассматривается как последнее из наших суеверий, и ничто не мешает нам избавиться от него, если принимаются противозачаточные меры, и все протекает в нежности и взаимном удовольствии» (Cadolle, 2000: 244). Сексуальность становится частным делом, и кажется, что все становится возможным при взаимном согласии. Говоря другими словами, только изнасилование остается под высшим запретом.

Эвфемизация практик

Другая особенность рассказов – большинство из них, даже самые длинные, вовсе не задерживаются на самом акте. Обстоятельства встречи, эволюция чувств, первые прикосновения и их прогрессия часто описываются достаточно точно. В женских рассказах часто упоминаются такие сюжеты, как «тревога», «страх испытать боль», факт «ощущения себя не готовой», «необходимость доверять». Беспокойства и колебания, которые мы находим в мужских рассказах, выражаются следующими терминами: страх «быть не на высоте», быть «смешным», «не справиться».

Некоторые юноши и девушки были не в состоянии рассказывать о своем первом отношении. В таком случае оно просто выпадало из рассказа. Упоминание об этом интимном моменте сводилось, как у одной из студенток, к нескольким словам: *«Мы лежали друг против друга. Мы начали ласкать друг друга, и, наконец, произошел сам акт»*. Хотя и в очень краткой форме, но данный момент интегрирует, тем не менее, два технических элемента (вытянуться друг против друга и взаимно ласкать). Эти элементы полностью исчезают у другого студента в его более поэтическом нарративе: *«Мы были в пшеничном поле на самом верху скалы, рядом с морем, и у нас было наше первое сексуальное отношение»*.

Эта сдержанность в затрагивании интимности представляется для нас, французов, «естественной».

Сила очевидности: приглашение к тому, чтобы ничего не говорить?

Сдержанность на уровне дискурса, вне всякого сомнения, проявление фундаментальной культуры. Однако нам представляется необходимым дать ей более полное объяснение, приняв в рассмотрение другую размерность. Она, как это не парадоксально, была подсказана описанием одной студентки, у которой не было первого сексуального отношения в полном смысле, – мы «отнесли» этот случай к категории «флирта». Рассказ представляется особенным, так как относится к числу тех, которые менее всего затемняют детали разделенной интимности.

Мы сталкиваемся в нем с наименьшей эвфемизацией телесных обменов, что может удивить, так как не было полного полового отношения. Однако не заключается ли частичное объяснение данного феномена именно в этом отсутствии? В самом деле, когда желаемое половое отношение, тем более первое, не приводит к ожидаемому на уровне общего представления, то не возникает ли при этом потребность в уточнении «содержания» этого отношения? Во всяком случае, мы весьма склонны думать так.

Этот рассказ подтверждает также, что различие между «флиртом» и «полным сексуальным отношением», выделенное нами, заслуживает обсуждения. Студентка уверена на полном основании, что у нее сексуальные отношения со своим партнером, хотя проникновение никогда не имело место. Поэтому, несомненно, было бы большим преувеличением сводить, как мы это делали, некоторые сексуально окрашенные отношения к флирту ввиду отсутствия проникновения. Хотя сама эта студентка (ей 18 лет) не уточняет, были ли ее «опыты» с партнером (17 лет) реализованы при «паритете отсутствия опыта», тем не менее, мы склоняемся к этой мысли.

Таким образом, для этой студентки не существует двусмысленности. Вполне ясно, что у нее не было первого полного сексуального отношения («незавершенное сексуальное отношение»), однако для нее «эти» опыты соответствуют «ее» первому разу. Тем более что речь идет о любовном отношении, которое много значит для нее: «Я воспринимаю этого молодого человека как свою большую любовь, даже как единственную любовь».

Когда первый раз является первым полным сексуальным отношением?

В свете этого случая, который выбивается из общего массива, следует принять, что есть первое сексуальное отношение и... первое сексуальное отношение. Если для некоторых это первое отношение вполне соответствует нашему определению, а также тому, не подвергнутому сомнениям, представлению, которое каждый носит в себе (как большинство наших студентов) (Le Gall, Le Van, 1999a), то для других существуют «сексуальные игры», «телесные обмены» без проникновения, которые становятся «символом» и рассматриваются как «первый раз». Это особенно характерно для случаев, когда рассказчик всецело влюблен в своего партнера.

Именно так обстоит дело в случае со студенткой, которая предпочла рассказать об опыте, который завершился, согласно ее собственному определению, «фиаско», прежде чем упомянуть о своем первом полном сексуальном отношении (текст 3). По поводу первого полного сексуального отношения она замечает: «О нем мне особо нечего сказать». Последний абзац этого рассказа хорошо иллюстрирует, что для некоторых «первый раз» не сводится к сексуальному акту, который приводит к проникновению. Чувственное наполнение, особенно у девушек, представляется в той же мере определяющим, как и сам физический акт.

Текст 3

Именно в первый раз я хотела, чтобы получилось, и вот тогда этого не произошло

«Мы все спланировали: день, час, место, и это все испортило. Естественно, я была влюблена в него до потери рассудка, и даже от самых легких прикосновений я готова была кричать от желания. Имела место какая-то чертовщина: как только мы хотим, чтобы все было бесподобно, это терпит фиаско. Конечно, были удовольствия, эмоции, ожидания, но в тот момент, когда мы оба уже были готовы, все усложнилось. Я была девственницей, и проникновение было очень тяжелым. Нужно было предпринять несколько попыток, чтобы получилось. К несчастью для него, после нескольких тщетных попыток прекратилась эрекция, и к счастью для меня все на этом остановилось, а мне было очень плохо.

Впоследствии у меня были другие сексуальные опыты, которые принесли мне море радости, но именно в первый раз, когда я хотела, чтобы все было хорошо, из этого ничего не получилось. Всю мою жизнь я сожалела об этом моменте, потому что я придавала ему большое значение, и потому также, что это была моя первая любовь, та, которая не покидает вас никогда.

Наверно теперь вы поняли, почему я решилась говорить вам об этом «неудавшемся» опыте вместо моего первого «полного» опыта, по поводу которого мне по правде и нечего сказать. То был реванш за первый опыт, чистое безрассудство».

В той же перспективе, но уже в противоположном смысле, другая студентка повествует о своем полном сексуальном отношении. Не испытывая «никакого аффективного чувства» к своему партнеру, она завершает рассказ следующими словами: «Я предпочитаю полагать, что мое первое «сексуальное отношение» – вовсе не то, которое произошло первым, а скорее то, которое является результатом аффективного влечения без всякой задней мысли».

В итоге, если для большинства наших студентов первое полное сексуальное отношение знаменует собой вхождение в сексуальность взрослых, то некоторые случаи представляют собой два возможных отличающихся сценария:

– некоторые считают, что этап взросления знаменуют телесные обмены без проникновения с партнером (партнершей). в которого(ую) они были сильно влюблены, часто уязвляемые с «неудачей» по той или иной причине;

– другие же, наоборот, отказываются рассматривать как «первый раз» свое первое полное сексуальное отношение именно потому, что речь шла только о физическом отношении, то есть об отношении, лишенном всякого аффективного инвестирования.

По этому поводу А. Жиами отмечал: «Если мы принимаем широкое видение сексуальности, которое включает фантазии, эмоции и чувства, нормы и ценности, межличностные отношения и поведение, то различие между чувственной и сексуальной жизнью более не имеет смысла. Обе эти размерности сильно проникают одна в другую» (Giami, 1996: 24).

Отметим также тот момент, что в некоторых случаях достаточно трудно считать сексуальное отношение первым просто потому, что ему предшествовали весьма интимные телесные обмены, которые, в силу различных причин, не приводили к проникновению; это делает неопределенным момент первого полного сексуального отношения. Так, одна студентка пишет: «Для меня не было единого первого раза, это произошло в результате нескольких усилий с интервалом в несколько дней». И, конечно же, к этим первым полным, хотя непризнанным и даже оспариваемым в качестве первого раза сексуальным отношениям следует добавить те, что имели место по принуждению. Это более распространенное, нежели можно себе представить, явление.¹⁰

Если сексуальное насилие предшествовало первому отношению по свободному согласию, как в случае студентки, ставшей жертвой инцеста в возрасте от 6 до 9 лет, – что можно ожидать от этого интимного момента? «У меня уже был мой первый раз, и я подумала, что он гораздо ближе к аду, чем к раю. На этот счет у меня не было никаких иллюзий». В итоге, если она «встраивает себя» в рамки любовных отношений, основанных на нежности, соучастии, а ее партнер доказывает свое понимание, это позволяет ей по-иному взглянуть на свое собственное становление: «Я не думаю, что это сексуальное отношение было неудачей, так как оно мне сильно помогло впоследствии, даже если при этом я не получила большого удовольствия».

Заключение

В рассказах студентов говорится о первом сексуальном отношении юношей и девушек, которым в будущем было суждено встретиться на социологическом факультете Канского университета в Нормандии. Они показывают, что ритуал потери девственности в течение свадебной ночи для девушек, так же как и помощь профессионалка для юношей, ушли в далекое прошлое. Тем не менее, они не описывают переход к взрослой сексуальности как простую формальность, которую выполняют в нужный момент, как могло бы показаться, исходя из общих представлений, вынесенных из либерализации нравов 50–70-х годов. Пользуясь терминами Д. Гризони, первый раз не сводится к «первому траханию».

Совсем наоборот, эти рассказы намечают контур «нормальной» формы, или, выражаясь языком Ж. Ганьона и В. Симона (1973), «скрипт» вхождения в относительно структурированную и требовательную взрослую сексуальность: после встречи первый поцелуй провоцирует все более и более «продвинутый» флирт («поцелуй», «поглаживание гениталий») на протяжении от нескольких дней до нескольких месяцев, конечной точкой чего становится коитус. Этот процесс «последовательного освоения тела, реакций и чувств

¹⁰ В исследовании «Анализ сексуального поведения молодежи», проведенном в 1994 г. среди 15–18 летних французов, вопросы задавались только тем, кто уже имел сексуальные отношения. «15,4% девушек и 2,3% юношей заявляют, что у них были вынужденные сексуальные отношения». Авторы отмечают, что «в 45% процентах случаев отношения по принуждению предшествовали тому, которое опрашиваемые рассматривают как свое первое сексуальное отношение, а инициаторы этих вынужденных отношений не рассматривались как партнеры». (Lagrange, Lhomond et al., 1995: 19).

другого, как и своих впечатлений, меняющихся в зависимости от пола» (Bozon, Giami, 1999: 71) сопровождается интенсивным вербальным обменом, который создает климат доверия, соучастия, – необходимо место без свободного согласия партнеров, в том числе юношей – возможное наследие далекого прошлого, когда мужчина не мог отклонить «предложение», не нанося ущерба своей мужской чести. Однако это первое отношение становится валидным как «первый раз» только в том случае, когда составляющая его рамки любовная история «прорывается наружу», и вслед за этим следуют более продвинутое отношение, последовательная подготовка тела, предрасполагающая к открытию сексуального удовольствия. Неловкость, отсутствие удовольствия, страх оказаться не на высоте или ощутить боль быстро становятся в таком случае относительными, даже «реконструированными», а иногда и «приукрашенными» в свете предстоящих отношений. Даже наименее «успешные» из этих первых опытов не представляются задним числом как катастрофические. Наступил счастливый момент перехода к взрослой сексуальности, «высоко символический этап», как писал о нем М. Бозон, который даже либерализация нравов не сделала банальным. Такую оценку подтверждает употребление некоторыми юношами в этот день «окрыляющих субстанций» (спиртное, легкие наркотики).

Если 60–70-е годы, а затем и следующее десятилетие с приходом риска СПИДа способствовали расцвету свободы слова в отношении сексуальности, то мы должны констатировать, что юноши и девушки вовсе не были склонны объективировать этот телесный обмен. В некотором роде это были «названия для непроговариваемого» (Le Gall, Le Van, 1999b)! Несомненно, такое конструирование культурно обусловлено, так как в наших обществах сексуальное глубоко переплетено с аффективным и, исходя из этого, «автономизируется» с большим трудом. Впрочем, если оставить в стороне случаи отношений по принуждению, некоторые рассказы не затрагивают или даже отказываются затрагивать первое сексуальное отношение с проникновением, так как их авторы (всегда девушки) считают, что их «первый раз» был раньше (как в описанном выше случае, без проникновения) или позже данного торжественного акта вхождения во взрослую сексуальность. Эти рассказы в меньшей степени стремятся эвфемизировать телесные обмены, что подтверждает иным образом следующую идею: чем больше первый опыт соответствовал ожиданиям от первого полного сексуального отношения, тем менее молодые люди предрасположены вдаваться в воспоминание и описание деталей. Однако рассказы, которые подталкивают нас к проведению различия между «первым полным сексуальным отношением» и «первым разом по любви», показывают лишний раз, в какой степени сексуальное и аффективное взаимосвязаны, так как при любых обстоятельствах «первый раз» – то, что идет в счет. Сексуальность стала частным делом, поэтому в существующем климате требований к отношениям можно понять, почему некоторые студентки, определяя «маркер» вхождения во взрослую сексуальность, могут отдавать предпочтение не тому отношению, в котором они потеряли девственность, а другому, эмоционально насыщенному и прожитому в полной мере. Однако запомнить то, что было наиболее ценным, – это и попытаться забыть при случае, что первое сексуальное полное отношение не произошло в соответствии со «скриптом» вхождения во взрослую сексуальность. Это свидетельствует о том, что либерализация нравов сильно трансформировала отношение к девственности, но, тем не менее, не сделала банальной первую встречу тел.

Литература

- Borillo D. (2000). *L'homophobie*, Paris, PUF, Coll. "Que sais-je?".
- Bozon M. (1993). "L'entrée dans la sexualité adulte. Le premier rapport et ses suites", *Population*, Paris, INED, n° 5, pp. 1317–1352.
- Bozon M. (1999). "Les significations sociales des actes sexuels", in "Sur la sexualité", Actes de la recherche en sciences sociales, Paris, Le Seuil, n° 128, 3–23.

- Bozon M. (2001a). "Orientations intimes et constructions de soi. Pluralité et divergences dans les expressions de la sexualité", in "Les cadres sociaux de la sexualité", Sociétés contemporaines, Paris, L'Harmattan, n° 41-42, 11-40.
- Bozon M. (2001b). "Sexualité et genre", Masculin-Féminin: questions pour les sciences de l'homme (sous la dir. de J. Laufer, C. Marry et M. Maruani). Paris, PUF, chap. 8, 169-186.
- Bozon M., Heilborn M.-L. (1996). "Les caresses et les mots. Initiations amoureuses à Rio de Janeiro et à Paris", in "L'amour", Terrain. Carnets du patrimoine ethnologique, n° 27, Paris, Ministère de la Culture, 37-58.
- Bozon M., Giami A. (1999). "Les scripts sexuels ou la mise en forme du désir", in "Sur la sexualité", Actes de la recherche en sciences sociales, Paris, Le Seuil, n° 128, 68-72.
- Cadolle S. (2000). Etre parent, être beau-parent. La recomposition de la famille, Paris, Odile Jacob.
- Gagon J. H., Simon W. (1973). Sexual Conduct, Chicago, Aldine.
- Giami A. (1996). "Pour une éducation sexualisée", in "Education sentimentale et sexuelle", Informations sociales, Paris, CNAF, n° 55, 24-30.
- Grisoni D. (1981). "Le XXème siècle. Les preuves des corps", La première fois ou le roman de la virginité perdue à travers les siècles et les continents, Préface de G. Tordjman, Paris, éditions Ramsay, 20-117.
- Héritier F. (1994). Les deux sœurs et leur mère. Anthropologie de l'inceste, Odile Jacob, Paris.
- Jaspard M. (1997). La sexualité en France, Paris, La Découverte, Coll. "Repères".
- Knibielher Y., Bernos M., Ravoux-Rallo E., Richard E. (1983). De la pucelle à la minette. Les jeunes filles de l'âge classique à nos jours, Paris, Temps actuels, Coll. "La passion de l'histoire".
- Lagrange H., Lhomond B. et groupe ACSF (1995). Les comportements sexuels des jeunes de 15 à 18 ans, Rapport de recherche pour l'ANRS, Paris.
- Lagrange H., Lhomond B (sous la dir. de) (1997). L'entrée dans la sexualité. Le comportement des jeunes dans le contexte sida, Paris, La Découverte.
- Le Gall D. (1997a). "Sociologie, scopophilie et intimité", in "Approches sociologiques de l'intime" (sous la dir. de D. Le Gall). Mana, Revue de sociologie et d'anthropologie, Université de Caen Basse-Normandie, n° 3, 219-269.
- Le Gall D. (1997b). "La première fois. L'entrée dans la sexualité adulte d'étudiants de sociologie", in «Approches sociologiques de l'intime» (sous la dir. de D. Le Gall). Mana, Revue de sociologie et d'anthropologie, Université de Caen Basse-Normandie, n° 3, 9-17.
- Le Gall D., Le Van C. (1999a). "Le premier rapport sexuel. De l'idéal au désastre", in "Amour et sexualité à l'adolescence", Dialogue, Paris, AFCCC, n° 146, 25-35.
- Le Gall D., Le Van C. (1999b). "Le premier rapport sexuel. Les mots pour ne pas le dire", in "Sexualité et sociétés", Bastidiana, Saint Paul de Fourques, n° 27-28, 121-139.
- Levinson S. (1997). "L'organisation temporelle des premières relations sexuelles", L'entrée dans la sexualité. Le comportement des jeunes dans le contexte du sida (sous la dir. de H. Lagrange et de B. Lhomond). Paris, La Découverte, chap. 7, 227-254.
- Paicheler G. (2000). La communication publique sur le sida en France. Un bilan des stratégies et des actions 1987-1996, Paris, Rapport pour l'ANRS.
- Potel J. (1991). "Identités catholiques et comportements religieux", in G. Michelat, J. Potel, J. Sutter et J. Maitre, Les français sont-ils encore catholiques?, Paris, Le Cerf, 49-127.
- Simon P., Gondonneau J., Mironer L., Dourlen-Rollier A.-M. (1972). Rapport sur le comportement sexuel des français, Paris, Julliard et Chasson.
- Singly (de) F. (2000). "Penser autrement la jeunesse", in "Voir les jeunes autrement", Lien social et politiques, Montréal, Québec, n° 43, éditions Saint-Martin, 9-21.
- Spira A., Bajos N. et le groupe ACSF (1993). Les comportements sexuels en France, Paris, La documentation française.
- Théry I, Dhavernas M.-J. (1991). Le beau-parent dans les familles recomposées, rôle familial, statut social, statut juridique, Paris, Rapport de recherche pour la Cnaf.
- Tisseron S. (2001). L'intimité surexposée, Paris, Ramsay.

Перевод с французского Игоря Масалкова